

Телевидение

«Раньше веселее было, сейчас просто смешно. Сегодня юмор, как колбаса, любого вкуса и на вес: хочешь — триста граммов дадут, хочешь — полкило, а сможешь съесть, так бери весь батон, только потом не скули, что тебя вспучило!» Михаил Жванецкий — Газете

«просто поржать — это, извините, не ко мне»

Михаил Жванецкий — Газете

Михаил Жванецкий: «Юмора вокруг много, хохот стоит оглушительный, но смысла нет, искры нет, идея не очерчена»

Фотограф: Владимир Суворов/Газета

01 СТР

Отношения с мамой всегда складывались непросто?

Да, я уже был здоровым парнем — лет двадцати, познакомился с девушкой на пляже. Мама была на заводе, работала во вторую смену. Я привел девушку к себе домой, мы жили тогда с мамой на первом этаже. Рассчитывал управиться до ее возвращения. А ее раньше отпустили. Она в окно увидела, что я делаю; так знаете, я ее три дня искал, потом еще недели две умолял вернуться домой — она никак не могла поверить в то, что и я этим уже могу заниматься...

Потом у меня была премьера — первое выступление в «Голубом огоньке» на ЦТ. Это было еще в середине 1960-х, по-моему. Я волновался, но публика приняла нового писателя-сатирика вроде хорошо — аплодировала. Я после эфира позвонил в Одессу маме, зная, что она смотрела мое выступление. Она сказала: «Миша, это кошмар: ты такой толстый, лысый — ужас какой-то! Тебе срочно нужно привести себя в порядок!» Такие награды я получал от нее всю жизнь. Она не поверила в мое сочинительство и выступления со сцены как в осмысленную, серьезную профессию. Потом, когда меня стали показывать по телевидению регулярно — это была середина 1970-х, она говорила: «Миша, ты нес такие глупости — как тебе не стыдно все это читать со сцены, разве можно столько времени находиться на экране с такой ерундой!» А я с этой «ерундой» вместе с Ромой и Витей уже полстраны обехал!

А ведь образования литературного или артистического у вас до сих пор нет? Я по диплому инженер морфлота по специализации «механизатор порта». В одесском порту столько судеб через меня прошло, как тут не стать «инженером человеческих душ»? (Смеется.)

Это и касательно женщин?

Касательно их в основном! Там, еще в Одессе, было так, что ничего скрыть нельзя было. Стоило мне привести кого-то к себе домой, как тут же весь двор бросал работу и начинал обсуждать мою новую пассию. Потом я познакомился с одной красавицей, которая занималась в местной

гостинице нехитрым ремеслом. Она долго не хотела на меня обращать внимание, потом все-таки я покорил ее своими остротами. Мы поженились. Это был мой первый брак. Правда, фактически он продолжался всего месяца полтора. Потом я уже уехал в Ленинград, к Райкину. Жена осталась в Одессе.

Что вам больше всего запомнилось о первом браке?

Чемодан с подушкой. При разводе мы поделили вещи. Мне достался чемодан с нижним бельем и подушкой, а ей — все остальное. Этот чемодан она передала мне тайком через окно, чтобы соседи не узнали о нашем разрыве. Теща давила на наш брак. Райкин мне ничего не платил: я работал, что называется, ради искусства, писал ему, он забирал и не платил мне. Вот теща и издевалась: мол, от Райкина я как писатель ничего не получу, кроме автографов, и зачем вообще такой муж нужен? Меня с Ларисой ее мама все время обсуждала. Она подслушивала нас ночью и нередко комментировала и грозила, что-то рассказать моей маме. Я был готов уйти — такая жизнь никуда не годилась, но первым сделать шаг не мог. Так уж я воспитан: не могу ранить человека — и все тут, хоть и знал, что Лариса тоже устала, а не мог и все. Дождался, пока она сама предложила нам расстаться. Я сказал, что могу еще немного потерпеть... Она ответила, мол, не надо.

А чем занималась ваша первая жена во время вашего брака?

Старую профессию она оставила и продавала пресованные плащи — из Франции ей дядя их присылал. По шестьдесят рубиков шел каждый плащ, его из общего комка просто с мясом вырывать приходилось. Мне это казалось униженным — сейчас бы это назвали бизнесом, а тогда я в искусстве парил и упорхнул в итоге к Райкину в Ленинград. Моя семейная жизнь закончилась. Потом до середины 1990-х я жил взахлеб холостяцкой жизнью на улице Свободы в Ленинграде, который прозвал «улицей терпимости» из-за количества моих женщин и женщин моих друзей, которым я отдавал квартиру на время. Там были Долатов, Вампилов, Высоцкий, Барышников. Сколько ж там детей было зачато... Кстати, Миша Барышников приносил мне огромные

корзины цветов с ленточками вроде «Дорогому и любимому Мише от пылких поклонниц!» — я думал, это мне, а потом только выяснилось, что это ему дарили, а он мне передаривал; но все равно было приятно. А еще мама посылала мне в конверте по три рубля в Ленинград, когда я работал у Райкина. Он не платил мне два года ни копейки. Я жил впроголодь. Поэтому со своей «улицы терпимости», которая находилась в пятидесяти копейках от центра Ленинграда — это так далеко, что уже почти под Москвой, — я через весь город шел пешком до Кунсткамеры, где была самая дешевая в городе столовка — там за тридцать копеек можно было поесть. Вот это и спасало. Когда однажды у меня осталось пятьдесят копеек — это значило, что сегодня я поем, а завтра на обед мне не хватит десяти копеек, — мое терпение лопнуло. Я поговорил с женой Райкина (опять женщина — моя радость и спасение), она поговорила с ним, и мне впервые заплатили пьтсот рублей за пять рассказов. Если бы вы знали, как я на эти деньги наелся!

Вы оговорились, что разгул холостяцкой жизни продолжался до середины 1990-х... А о второй супруге расскажете?

Она славная молодая женщина. С Наташей я познакомился в Одессе — там была вечеринка в мою честь, после того как меня наградили «Золотым Остапом». Кстати, я — первый «Остап»; вторые и третьи награды получали остальные писатели, а начали с меня. Она как-то пробралась на тот праздник. Мы встретились глазами, дальше нечего говорить. Я люблю вообще женщин улыбочивых, среди улыбочивых люблю умных, среди умных предпочитаю добрых, а среди добрых — уже только красивых! Вот такая моя вторая жена. Она подарила мне счастье стать официально отцом замечательного малыша Митки, который, кстати, тоже обладает незаурядным чувством юмора. Он говорит маме: «Позвони папе на мобильник, вдруг он захочет пригласить одинокую женщину с ребенком в ресторан?»..»

Вопрос специалисту-эксперту: какая часть тела женщины вам нравится больше всего?

Ножки — ой, это все! Они покачиваются, аккуратно ступают — у меня аж в сердце стреляет! Сейчас я счастлив абсолютно. Один мой товарищ позавидовал мне: «Миша, как тебе удалось отхватить такую юную красавицу?» Я ответил тут же: «Писал бы ты всю жизнь правду, читал бы потом ее с листа окружающим, и тебе бы такую выдали!»..»

Давайте перейдем к следующей части разговора — о сатире и юморе...

Сегодня я перестал быть сатириком — сменил профессию. Моя душа болит от непрофессионального, какого-то животного юмора, который на нас хлынул со всех каналов ТВ и радио. Как только всеми любимый артист и художественный руководитель Театра Эстрады Геннадий Хазанов заявил во всеуслышанье, что профессия разгово-

ного жанра сатиры умерла, как тут же она расцвела буйным цветом. Массы получили слово. Вот мужчины и поют в мехах и драгоценностях о чем-то своем девичьем, а женщины зло шутят про половые органы. Этого быть не должно. Я уже молчу про то, что творится в этом «Аншлаге» с погонщицей и ее стадом. Раньше надо было иметь высшее образование, чтобы получить моральное право выступать по телевидению. Раньше надо было работать со скрытым смыслом, играть полутонами, завуалированно доносить до людей то, что обязательно доходило, но не сразу, зато попадало не в бровь, а в глаз — вот это литература, вот это сатира в высшем ее проявлении. Чем больше меня зажимали и давили, тем лучше и я писал.

Раньше я вел людей за собой. Приезжал к шахтерам в Воркуту, и они ловили каждый мой вздох, потому что я открывал им глаза, вел за собой. Сейчас же артисты и писатели ловят мимолетное настроение зрителя, стараются уловить малейшие пожелания и выполнить их, тем самым скатываясь еще ниже зрителя и читателя. Я приверженец умного смеха, того, до которого надо дойти еще, додуматься, пробраться сквозь дебри собственного сознания, улыбнуться и сделать какие-то свои выводы. А просто поржать — это, извините, не ко мне. Вот я и стал элитарным писателем, так сказать, для тех, кто понимает. Это я стал элитарным писателем, я, который раньше собирал стадионы и которого по сто раз перед концертом потрошили цензоры от министерства от культуры и злобно шипели: «А вот это, Михал — как там вас — Михалыч, не читайте — это смешно!» И вдруг на фоне всеобщей свободы я со своим умным смехом стал элитарным писателем — это даже смешно!

А что вы скажете о Евгении Петросяне? Ведь он читает произведения практически всех сатириков, живущих ныне на территории СНГ.

Он собирает залы, живет хорошо, но я очень боюсь заслужить те же аплодисменты, что и он. Всегда говорю на своих концертах: позовите меня, потом пусть выступит Петросян, а потом снова я — Петросяна вы больше не захотите! Хотя он читает чужих авторов и сам не пишет, но за них он должен отвечать, как когда-то Райкин отвечал за то, что я ему приносил. Вообще о Петросяне не хочу говорить. Я не против Жени — я против жанра в таком виде, в каком он существует сегодня, поэтому и не свечусь на сборных солянках кривых

зеркал, комнат смеха, аншлагов, юрмалин и прочего. У меня своя программа на РТР — «Дежурный по стране», я каждый месяц общаюсь с думающей публикой, которой нужен я, а не петросяны. У программы своя хорошая аудитория — пусть не такая огромная, как у погонщицы, но мне она тем дороже. Это моя личная гвардия, как у Наполеона — он тоже ее сохранил, даже убега из России.

И еще принцип сатиры — от Салтыкова-Щедрина и Гоголя — нападая на кого-то, ты непременно должен кого-то и защищать. Сейчас либо блеют в никуда, либо кусают сразу всех подряд — это не сатира. Жанр сатиры предполагает нападение на сильного, мерзкого, агрессивного, глупого, порочного, алчного и т.д. А бесцельное сотрясение воздуха — это, как горячий камень, вещь бесполезная; и в руки его не возьмешь, и не согреешь.

Когда жилось веселее — раньше или сейчас?

Раньше веселее было, сейчас просто смешно. Юмора вокруг много, хохот стоит оглушительный, но смысла нет, искры нет, идея не очерчена. Сегодня юмор, как колбаса, — любого вкуса и на вес: хочешь — триста граммов дадут, хочешь — полкило, а сможешь съесть — так бери весь батон, только потом не скули, что тебя вспучило! Тогда, в СССР, нам надо было быть умными. Помните мое «все станет будет быть хорошо, обязательно, будет быть хорошо, вот увидишь»? Вот и увидели. Умным сейчас быть не обязательно. Мне говорят: «Михал Михалыч, мы бы пошли на ваш концерт, но вчера была сделка с алюминием, сегодня сахар гоним из Узбекистана, завтра по нефти будем договора заключать, поэтому идем к Петросяну, отключаем соображалку и ржем, как безумные!» А мне этого не надо. Я за качественный секс и за качественный смех; по-быстрому, на скорую руку, по верхам — не надо!

А есть такие писатели-сатирики и артисты разговорного жанра из молодых, кто вам нравится?

Пишущий — Женя Шестаков. Хороший парень. Только сейчас он многим пишет, распыляется, его строчки из уст разных артистов не сразу и узнаешь. Впрочем, ему нужно зарабатывать деньги, хотя я считаю, что писатель сам должен читать свои произведения публике, так сказать, напрямую отвечать за свою сатиру. Надеюсь, умные люди этого Женю Шестакова еще раскрутят... То же новомодное словечко. Из выступающих артистов мне симпатичен Максим Галкин. Талантливый Андрей Данилко. Я видел его не только в роли этой проводницы — и без нее он был просто блестящим. Ему надо завязывать с этой Сердючкой и братья за другие образы.

Не подарите напоследок шутку на тему президентских выборов в России?

(После паузы.) Складывается такое ощущение при взгляде на верховную власть, что одна голова — хорошо, а больше — вроде и не надо!..

газета

одессит с московской пропиской

Михаил Жванецкий, родившийся 6 марта 1934 года в Одессе, становится сатириком не собиравшись. Закончив в 1956-м в родном городе институт инженеров морского транспорта, устроился в порт механиком, потом инженером на завод, откуда сделал удачную карьеру в конструкторское бюро. После, а иногда и вместо работы писал миниатюры. В 1963-м Жванецкий познакомился с Аркадием Райкиным, которому показал свои произведения. Райкин сначала берет тексты, а потом приглашает молодого писателя в Ленинградский театр миниатюр на должность заплата. Через несколько лет Михаил Жванецкий возвращается в Одессу, где работает в филармонии, а потом переезжает в Москву, в театр «Эрмитаж». В 1988 году создает Московский театр миниатюр, которым руководит до сих пор. Награжден орденом «Дружбы народов», лауреат независимой премии «Триумф».